

Генезис и причины кризиса американской утопии: от Генри Торо до Ричарда Рорти

Куликов Михаил Вячеславович

кандидат философских наук, доцент, Кузбасский институт ФСИИ России.
Россия, г. Новокузнецк. ORCID: 0009-0004-1984-0760. E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена генезису жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре, что представляется весьма интересной темой для исследования, поскольку именно в утопии собираются воедино онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические, философско-исторические смыслы эпохи и культуры. Цель работы – обнаружить смысловое единство американской утопии и понять причины ее кризиса. Обращение к традиции американской утопии связано с тем значением, которое она имела для становления культуры и цивилизации Америки как воплощенного «Града на холме», «Общества равных возможностей», «Маяка надежды». В качестве репрезентантов американской социально-философской утопии взяты Генри Торо, Беррес Фредрик Скиннер, Роберт Нозик и Ричард Рорти. Обращается внимание на отличительную черту американской утопии – ее открытый характер, отсутствие фундаментальных, заранее predetermined установок, плюралистичность. Сделаны выводы о причине кризиса утопического теоретизирования в американской культуре, связанной с невозможностью актуализации субъекта утопии в силу предельной фрагментации общества. В качестве признаков кризиса выделено выразившееся в общественном сознании эпохи позднего капитализма ощущение «конца истории», которое приводит к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и обреченности на пребывание в застывшем времени. Утопия сменяется своей противоположностью – ретроутопией – поиском оптимального жизненного проекта, обращенного не в будущее, а в прошлое. На смену социальной онтологии приходит социальная хонтология как призрачное состояние некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение вперед. Идею американских трансценденталистов о познании мира как единства внешнего и внутреннего, а также сциентистскую веру в экспериментальную науку сменяет конспирология как способ объяснения мира через заговор и обман. Все это порождает разочарование для глобализованного общества позднего капитализма, ощущение депрессии как основного симптома времени, тоску по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, щемящее чувство ностальгии.

Ключевые слова: утопия, Америка, Уолден, «постмодернистский буржуазный либерализм», бихевиоризм, ретроутопия, хонтология, конспирология.

Введение. В данной статье предпринята попытка рассмотреть генезис жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре. Цель работы – обнаружить смысловое единство американской утопии и понять причины ее кризиса. Утопическое теоретизирование как поиск образа идеального, желаемого типа общества имеет в этой культуре давнюю историю и представлен на разных уровнях: социально-философском, политико-идеологическом, художественном, религиозном, мифологическом. Предметная область исследования ограничена утопическими проектами и экспериментами Генри Торо, Берреса Фредрика Скиннера, Роберта Нозика и Ричарда Рорти. В случае с Торо и Скиннером их выбор обусловлен идейной преемственностью авторских проектов, случай Нозика объясняется важностью осмысления утопии с позиции аналитической философии, казалось бы, игнорирующей подобного рода проблематику. Проект «постмодернистского буржуазного либерализма» Ричарда Рорти выбран по причине большой полемики, вызванной авторской концепцией «либерализма без оснований». К тому же в работах Рорти прослеживаются размышления о тех проблемах, с которыми столкнулась американская (и, шире, западная) культура в отношении утопических проектов.

Тема американской социально-утопической теории исследована достаточно хорошо. Данной теме посвящены работы зарубежных (В. Л. Паррингтон-младший [17], Г. Родс [18], С. Холбрук [14], К. Ремер [19], Ж. Бодрийяр [4] и др.) и отечественных (Э. Я. Баталов [1; 2], Ч. С. Кирвель [6] и др.) авторов. Однако социально-политическая и общекультурная ситуации изменяются слишком быстро, с ними изменяется и представление о желаемом образе социу-

ма, вплоть до его аннигиляции. Учитывая это, новизна настоящего исследования заключается в попытке обозначить признаки кризиса американского утопического теоретизирования, возникшие уже в XXI в., и понять его причины.

В исследовании применялись исторический, логический, интеркультурный (как попытка понимания универсального философского знания через специфику уникальной американской культуры со своими, исключительными ценностями и нормами) методы, биографика (как понимание идеи через биографию личности автора, имеющей свое историческое, психологическое, эпистемологическое значение).

Результаты исследования могут быть использованы практически в подготовке/изучении курсов социальной философии, философии права, культурологии, а также для развития навыков критического мышления, прежде всего в вопросах соотношения индивидуального, государственного и общественного, сущего и должного, свободы и необходимости, понимания смысла жизни.

Уолден Г. Д. Торо и Уолден Два Б. Ф. Скиннера: становление и эволюция утопического проекта. В 1948 г. в США вышла книга выдающегося американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера (1904–1990) «Уолден Два». В этой книге, написанной в жанре научно-фантастической утопии, автор попытался донести свои соображения, касающиеся возможности построения общества с помощью методов социальной инженерии. Название книги отсылает нас к программному роману представителя американского трансцендентализма, практикующего философа и анархиста Генри Дэвида Торо (1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесу». Эта отсылка, конечно, не была случайной, американская культура (как и вся американская цивилизация) изначально носила утопический, ориентированный в будущее, рассчитывающий на практическое воплощение проект. Книга Скиннера продолжает и развивает мысли Торо о «правильном» устройстве бытия, мере должного соотношения свободы и необходимости, степени взаимопроникновения приватной и публичной сфер жизни, необходимом соотношении индивидуального и общественного. Напомним, каким образом решали эти вопросы оба автора.

Подобно Сократу, для которого знание и практическая жизнь были не отделены друг от друга, Торо воплощает свои идеи в особом рода эксперименте: два года, два месяца и два дня своей жизни он проводит в одиночестве в самом им построенном доме на берегу Уолденского озера в лесах штата Массачусетс. Что привело Торо к подобному опыту? Причин множество: это и своего рода отказ от нарождающегося технологического потребительского общества с его расточительностью, излишеством, бесконечной, все убыстряющейся гонкой; и эксперимент в ведении домашнего хозяйства минимальными средствами; и поиск «сырых» и «диких наслаждений» природы; и попытка испытать себя, освоить необжитые границы природы, культивируя при этом природу собственной души (своего рода толстовское «опрощение» или вольтерьянское «возделывание своего сада»); и, как итог всему вышеперечисленному, – стремление привести мир в порядок, гармонизировать хаос, обрести то самое единство и счастье переживания «совокупного целого сущего». Более того, Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения американских философов-трансценденталистов, на символическом уровне, он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки, жизнь американского «фронттира», движущегося к неизведанным границам ойкумены. И это еще не все. Торо не остался только лишь созерцателем, отшельником-одиночкой, «сбежавшим» от трудностей социального мира. Напротив, он активно участвовал в жизни американского общества, выступая с позиций аболиционизма, гражданского неповиновения и мирного сопротивления: «...быть философом – значит не только тонко мыслить или даже основать школу... Это значит решать некоторые жизненные проблемы не только теоретически, но практически» [12, с. 19–20]. На эти его идеи непосредственно ссылались такие видные общественные и политические деятели, как Л. Толстой, М. Л. Кинг, М. Ганди и, шире, сторонники либертарианства или даже анархизма. Таким образом, можно отметить, что большой интерес к наследию Торо во многом связан с идеальным образом американского интеллектуала, парадоксального мыслителя, занимающегося как общественной борьбой, так и уединенными медитациями, соединившего в себе импульс стремления к независимости личности с причастностью к общественно-политическим проблемам своего времени.

Казалось бы, книга Скиннера говорит о других вещах: на смену тонкому душевному самоанализу пришла социальная инженерия, которая требует от исследователя несколько иных интеллектуальных навыков: креативности, изобретательности, умения анализировать про-

блемные ситуации, способности к организации взаимодействия. Если мысль Торо движется внутрь, вглубь, обнаруживая единство внутреннего и внешнего, индивидуального и природного, то бихевиорист Скиннер рассматривает внутренний мир человека, состояния сознания и чувства в рамках экспериментальной науки как просто физические явления. Если размышления Торо неизбежно приводят в область этического, постулируя свободу воли, ответственность индивида за собственный жизненный проект, то внимание Скиннера обращено на обстоятельства окружающей среды, источники стимулов, детерминирующие наше поведение. Никакой свободы воли, то есть необусловленной спонтанности, случайности в субъекте нет. И все же Торо важен для Скиннера, само название «Уолден Два», конечно же, является отсылкой, и, возможно, это название можно интерпретировать как «Уолден для двоих», то есть попытку рассмотреть путь личностной реализации не через уединение и отшельничество, а, напротив, в компании, в социуме, сообществе единомышленников.

Как Скиннер описывает идеальное (в его понимании научно-организованное) общество? Коммуна проживает не в мегаполисе, а в рамках небольшого поселения (около одной тысячи человек) вблизи от природы (эта идея предвосхитила тенденцию к переезду жителей городов в пригороды, так называемые субурбии). Экономика общины практически самодостаточна, люди выполняют разнообразную работу (чередуют умственный и физический труд) не более четырех часов в день (идея гибкого рабочего графика). Рационально организован досуг уолденцев, он исключает (не на уровне запрета, а просто как нечто избыточное) алкоголь, сигареты, азартные игры; жители много читают, занимаются спортом, полезными хобби. В отличие от Уолдена Торо, в этом обществе отсутствует культ аскезы, но формируется рациональная культура потребления, учитывающая факторы психологии, экологии, здоровья потребителей.

Социальная структура общества состоит из четырех групп, разделенных по роду занятий: планировщики, менеджеры, рабочие и ученые. Совет планировщиков из шести человек (троих мужчин и трех женщин) является правительством общины, он разрабатывает политику, формирует планы развития, контролирует работу менеджеров – ответственных руководителей в какой-либо области (строительство, общественное питание, образование и т. д.). Срок полномочий планировщиков ограничен десятью годами, ротация в их среде происходит из числа кандидатов, выдвигаемых менеджерами (то есть управленцами становятся не профессиональные политики, а люди, достигшие наиболее значительных успехов в своем деле). Никаких преимуществ статус планировщика или менеджера не дает, эти должности занимают не из корыстных соображений, а просто из желания заниматься более ответственной и сложной работой. Третья группа – рабочие, являются непосредственными производителями товаров и услуг в Уолдене Два. В обществе отсутствуют деньги, работа основана на системе «кредитов» – тяжелый, неприятный труд дает работнику большее количество кредитов, чем работа легкая и приятная, что высвобождает большее время для досуга рабочего. Существует возможность и даже приветствуются практика смены сферы деятельности и места работы. Так как в Уолдене Два ценится эффективность и полезность, а не праздность и показное потребление, то отсутствует представление о престижности/непрестижности работы. Всякий труд, приносящий пользу обществу, заслуживает почета. Таким образом, в Уолдене Два отсутствует праздный класс, отсутствуют те, кто не нашел себе занятие в соответствии со своими интересами («преждевременно состарившиеся», как называет их Скиннер) [21, р. 33], там нет преступности, профессиональной нетрудоспособности, алкоголизма или игромании, нет безработицы из-за плохого управления, гораздо ниже заболеваемость. И все это благодаря внедрению гибкого графика, чередования разных форм работы, распределения «неинтересной и не творческой» работы между всеми членами социума.

Последняя группа в Уолдене Два – это ученые, которые проводят эксперименты «в области селекции растений и животных, контроля поведения младенцев, различных образовательных процессов и использования некоторого сырья [там же, pp. 49–50]». Задача ученых – познание мира. В Уолдене Два планировщик управляет на основе знания, открытого ученым, причем это знание не является абстрактным, метафизическим, это конкретное, позитивистское, экспериментально верифицируемое знание, воплощающееся в сельском хозяйстве, экономике, организации работы коммунальных служб, но, что самое главное, в воздействии на психологию индивида. Изначально человек ни плох, ни хорош, таким, какой он есть, его делает внешняя среда, которая награждает, наказывает или игнорирует поведенческие реакции животных и людей. Следовательно, именно внешняя среда нуждается в правильном управле-

нии для достижения желательного поведения, поэтому: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека» [там же, р. 37].

Итак, центром жизни этого общества является не экономика или религия, а психология: задача планировщиков состоит в разработке жизненной стратегии, не вызывающей катастроф, кризисов и иных поводов для негативных эмоций, задача менеджеров заключается в устройстве дела так, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Рациональное управление формирует рациональную ментальность и общественную психологию: коллективистские ценности здесь важнее индивидуальных, здесь отсутствует идея исключительности личности (в положительном «альтруистическом», а не отрицательном «эгоистическом» смысле), жители не стремятся выставить свое «Я» как высшую ценность, здесь отсутствует культ правителей, героев, здесь равно уважают каждого человека, независимо от его возраста, пола, выполняемой им работы. Это очень важно, в социуме воистину царит культ служения во благо общества: жители учатся выполнять свою работу с уважением, удовольствием, терпимостью и самоконтролем, не ожидая похвалы и не хваля другого. Люди не испытывают депрессий, переживаний по поводу собственной нереализации или неполноценности, нет тяжелого переживания одиночества, зависти или жадности. Люди постоянно контролируют свое поведение, они рассчитывают в жизни на самих себя, не перекладывают бремя ответственности на правительство, историю или традицию. Здесь нет злорадства, зависти или иных форм ресентимента, нет необходимости в конкурентной борьбе, так как нет зависимости от материальных благ. Если подобные установки и возникают, к этому человеку относятся как к нездоровому, и с ним работает психолог.

Наверное, можно сказать, что в этом обществе отсутствует политика. Противоречия между различными людьми, социальными группами разрешены уже на уровне рациональной организации, благодаря планированию, прозрачности принятия решений, отсутствию фаворитизма, протекционизма и иных форм коррупционного поведения. Политика замещается администрированием. В обществе отсутствует пропаганда и какая-либо идеология, отсутствует какая-то четкая, единственно правильная картина мира. Ценностью общества становится идея прогресса, развития, оно призывает своих членов «рассматривать каждую привычку и обычай с целью возможного улучшения» и «постоянно экспериментировать со всем» [там же, р. 25].

«Минимальное государство» Р. Нозика и «постмодернистский буржуазный либерализм» Р. Рорти – новый взгляд на утопию. Со времени первой публикации «Уолдена Два» прошло уже более семидесяти лет, и мир за это время изменился гораздо больше, чем мир двух Уолденов, разделенных между собой столетием. Наверное, пришло время для Уолдена Три. Что происходит с осмыслением будущего в американской культуре? Традиция утопического теоретизирования во многом оказалась забыта. Господствующее в американской гуманитарной науке аналитическое направление реализует неопозитивистскую программу, в которой практически нет места социально-утопическому прожектерству. Но есть и свои исключения. В качестве примера можно привести работу американского политического философа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), в которой автор обосновывает либертарианский идеал «минимального государства» – политического состояния, в котором власть возможна только на уровне защиты граждан от посягательств (классический «ночной сторож»), не вмешиваясь более ни в какую область жизни. Минимальное государство не порождает какой-то оформленной структуры и по сути представляет собой, как называет его автор, «доминирующую защитную ассоциацию». Иные, социальные, внешнеполитические, культурные функции реализуются «снизу», самим обществом, порождающим необходимые институты и связи. Свобода выбора, стихия рынка вызовут к жизни наиболее приспособленные для этого формы, и вмешательство извне только вредит этой самоорганизации, которая, вспоминая Лейбница, есть воистину «лучший из возможных миров». Взяв из идеи «категорического императива» ту мысль, что люди должны относиться друг к другу как к цели, а не как к средству, автор занимается не описанием конкретных форм идеального общества, а занимается разработкой его условий, как он называет это – «рамки», которая задает границы его устройства. В границах этой рамки минимальное государство обращается с индивидами как с неприкосновенными индивидами, как с носителями собственных идеалов и ценностей, среди которых нет «правильных» или «неправильных». Позиция Нозика «решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного сообщества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу,

которая позволит им расцвести» [9, с. 405]. То есть он не дает конкретных ответов, каким будет идеальное общество, «место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс» [там же, с. 404], а идея «рамки» и нужна для того, чтобы задать пространство, в котором реализуются индивидуальные утопические эксперименты.

Еще один проект утопии, названный «постмодернистским буржуазным либерализмом», представил американский философ Ричард Рорти. В основании его проекта лежит различие публичной и приватной сферы личности – внимание к ценностям сообщества с одной стороны, и апелляция к собственным интересам, желаниям, переживаниям – с другой. Попытки создания универсальной программы нравственности, увязывающие приватную и публичную стороны в единый контекст, неизбежно приводили к право- или левототалитарной идеологии. Эти сферы необходимо разделять, и так как проблема границы между личной уникальностью и общественной целесообразностью не имеет теоретического разрешения, его необходимо разрешать через практическое экспериментирование.

Размышляя о фундаменте либеральной формы солидарности, Рорти отказывается от его универсалистского (всеобщность прав и свобод человека) характера, по причине отсутствия нейтрального критерия, который был способен бы дать нам возможность соотнести образ либерального (а, впрочем, и всякого иного) сообщества с идеальным. У нас остается только возможность сравнения известных нам форм кооперации, а также утопическое теоретизирование. Ценность либеральной утопии состоит не в ее способности проникнуть в некие скрытые до сих пор области бытия, но в развитии нашего воображения, «через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [11, с. 20].

Утопический проект американского философа показывает, что в постметафизической культуре должен произойти поворот от теории к нарративу, сообщество будет организовано не столько на рационально-обоснованной программе (о чем писал Скиннер), сколько на эстетическом чувстве, сродни поэтическому признанию «случайности языка», «случайности истины», «случайности самости». Эта культура должна обращаться к бесконечному многообразию нарративов, жизненных стратегий, практик, увязывающих историю и современность с утопическим будущим, а главное, что «она видела бы в воплощении утопий бесконечный процесс – бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей Истине» [там же, с. 21].

Автор, конечно, понимает историчность и этноцентричность «постмодернистского буржуазного либерализма», порожденного западным обществом, однако оправдывает данный этноцентризм его особенностью, связанной с его противоречивостью, недоверием к самому себе. Если этнополитическая «солидарность», с одной стороны, является постмодернистской, то с другой она является буржуазной, а значит, из нее следуют и философские, и политические выводы: если с философской точки зрения этноцентризм антигуманен, так как допускает дискриминацию «маргинализированных» субъектов, то с политической точки зрения антигуманизм неприемлем, так как противоречит демократическим принципам либерализма: «Именно в традиции нашего общества защищать слабых и униженных, изгнанных и обездоленных, всех нуждающихся в сочувствии и в восстановлении попорченного достоинства. На этот иудеохристианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты, которые хотели бы сохранить различия, существующие между кантианством и гегельянством, чисто философскими. Представление о реальности таких вещей, как – естественные права человека и – врожденная нравственность, так же мало относится к очерченной здесь практической проблеме, как решение вопроса о существовании Бога, – полагаю даже, никак не относится» [20, р. 202].

«Открытость», незавершенность утопического проекта Рорти сближает его с проектами Торо, Скиннера и Нозика. Если в классической утопии (Мор, Кампанелла, Платон и др.) жизнь личности и социума была предельно регламентирована, то постмодернистский буржуазный либеральный проект американского мыслителя декларирует лишь его общий принцип, а именно случайный характер его практик, институтов, а также той языковой игры, в которую втянуты агенты этого социума. Такой утопический проект выглядит скорее наброском, фрагментом с размытыми контурами, нежели четкой программой действия. Вполне в духе постструктуралистской «смерти автора» мыслитель приглашает читателя и общественность к сотворчеству, предлагает обсудить разнообразные жизненные стратегии, выражающие обще-

ственную надежду и приватные ожидания. Результатом этого сотворчества и должно стать понимание возможности сосуществования разных утопических миров, которые ставят под вопрос status quo и заставляют усомниться в выборе верной стратегии.

Причины и признаки упадка утопического теоретизирования в американской культуре XXI в. Современность не порождает утопических проектов, наоборот, культурное пространство заполнено антиутопиями, альтернативными историями, ролевыми компьютерными играми и т. п. Мы видим падение интереса значительной части людей к публичной сфере: политика как общее дело умерла, и даже западная демократия воспринимается ее апологетами как шоу, разыгрываемое элитными группами. Особую силу приобретает ощущение, модус бытия или состояние, названное британским социологом Зигмундом Бауманом «ретротопией» [3], которое можно понимать как тоску по прошлому, постоянное возвращение назад, переживание уже пережитого, неверие в будущее, забвение надежды на перемены к лучшему. Примером ретротопии на социальном уровне может стать, например, трампиетский лозунг «Make America great again», который говорит американцам о необходимости вернуться к величю, оставленному где-то в прошлом. О схожем писал и британский мыслитель Марк Фишер [13], переосмысляя общую ситуацию с позиции «хонтологии» или «призракологии» – бытовании уже несуществующего как существующего, состояния некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» привел к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и их смешивания, безостановочной стилизации и обреченности на пребывание в застывшем времени. Все это породило разочарование для глобализированного общества позднего капитализма, вместе с которым пришла депрессия как основной симптом времени, тоска по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, которые отголосками, словно дежавю, врываются в настоящее, порождая щемящую ностальгию.

Еще одно свидетельство кризиса утопии – все растущее конспирологическое мышление, объясняющее социально-политическую и культурную действительность с позиций заговора, искажения реальности, подтасовки фактов, манипуляций, сознательного игнорирования чуждой информации (селективное влияние), воздействия пропаганды, фейковых новостей. Доля людей, которые верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [16, p. 812] и Италии [15, p. 329]. Общественное сознание порождает разного рода легенды, слухи, моральные паники и массовые психозы. Типологическими становятся сюжеты о «своих» и «чужих» – мигрантах, террористах, тайных правителях и т. д. Возникают представления об альтернативной науке, искаженной истории, заговорах в фармакологии, медицине. Более того, формируется новый модус общественного сознания, названный исследователями «conspirativity» (название является неологизмом, образованным из двух слов – conspiracy (заговор) и spirituality (духовность)). К типичному для всякой конспирологии представлению о тайном правительстве и заговоре добавились элементы нью-эйдж о «новой эре», сдвиге парадигм, «расширении границ своего Я». На смену социально-политической утопии приходят оккультные, эзотерические программы «пробуждения», «просветления». Многочисленные гуру, популярные блогеры-мотиваторы и тренеры личностного роста обещают человеку путь к счастью и гармонии.

Наиболее отчетливо идею конца утопии провозглашают такие авторы, как Г. Маркузе [7] и Ж. Бодрийяр, назвавший общество потребления открытием «эры реализованной утопии и конца истории» [5, с. 246]. Говоря о причинах конца истории и утопии, чаще всего упоминают постмодернистские идеи «смерти» субъекта, критики метанарративов, симуляции реальности и т. д. Очевидно, что большая часть утопий возникает в переходные моменты. Также очевидно, что Америка переживает в настоящее время череду кризисов, что, казалось бы, должно способствовать возникновению идеальных образов будущего, но, так как этого не происходит, мы должны признать, что одних перемен недостаточно, необходимы и иные факторы. Этими факторами, например, могут быть субъекты утопии – ее авторы, а точнее – их отсутствие в силу невозможности выразить какой-либо общественный идеал в атомизированном обществе. Непонятно, что может стать той повесткой, в отношении которой возможно утопическое теоретизирование, ведь современной эпохе вполне подходит провозглашенный П. Фейрабеном лозунг «anything goes» («все допустимо», «все сгодится»), здесь сокращается расстояние между воображаемым и реальным, что приводит к изменению онтологического статуса реальности, его перерастанию в гиперреальность, что обесмысливает любую формулировку утопического.

Закключение. Несомненно, что современные социальные отношения и процессы несут в себе значительное отчуждающее и деструктивное содержание, что все настойчивее требует от человека кардинальных изменений. Все убедительней становится мысль о том, что «интеллектуальный вызов сегодняшнего дня – дать обществу утопию, без которой оно не может развиваться», «обрисовать достижимый и желательный образ будущего..., к которому стоит стремиться» [8, с. 246]. Вместе с тем все так же непонятно основание утопического теоретизирования, не ясен даже субъект утопии, не говоря про ее аксиологическое наполнение. Возможность Уолдена Три сегодня кажется не столь очевидной.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009.
2. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М. : Наука, 1982. 384 с.
3. Бауман З. Ретротопия. М. : ВЦИОМ, 2019. 160 с.
4. Бодрийяр Ж. Америка. СПб. : Владимир Даль, 2000. 204 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006. 268 с.
6. Кирвель Ч. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск : Университетское, 1989. 190 с.
7. Маркузе Г. Конец утопии / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
8. Мартынов В. С., Фишман Л. Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 256 с.
9. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с.
10. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке 20 века. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с.
11. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
12. Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 240 с.
13. Фишер М. Капиталистический реализм. Ультраккультура 2.0, 2010. 144 с.
14. Holbrook S. H. Dreamers of the American Dream. N. Y., 1957. 369 p.
15. Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. South European society and politics, Taylor & Francis Journals. Vol. 22 (3). Pp. 327–344. DOI: 10.1080/13608746.2017.1359894.
16. Oliver J. E., Wood T. J. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. JAMA Internal Medicine, 174. Pp. 810–822. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.190.
17. Parrington V. L. American dreams; a study of American utopias. N. Y., Russell & Russell, 1964. 246 p.
18. Rhodes H. V. Utopia in American Political Thought. Tucson, Arizona, 1967. 115 p.
19. Roemer K. M. The Obsolete Necessity: America in Utopian Writings, 1888–1900. Kent State Univ. Pr., 1976. 239 p.
20. Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 226 p.
21. Skinner B. F. Walden Two. Macmillan Co., 1948. 266 p.

The genesis and causes of the crisis of American utopia: from Henry Thoreau to Richard Rorty

Kulikov Mikhail Vyacheslavovich

PhD in Philosophical Studies, associate professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, Novokuznetsk. ORCID: 0009-0004-1984-0760. E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the genesis of the genre of socio-philosophical utopia in American intellectual culture, which seems to be a very interesting topic for research, since it is in utopia that the ontological, epistemological, anthropological, axiological, philosophical and historical meanings of the epoch and culture come together. The purpose of the work is to discover the semantic unity of the American utopia and to understand the causes of its crisis. The appeal to the tradition of American utopia is connected with the importance that it had for the formation of American culture and civilization as the embodied "City on the Hill", "Society of Equal Opportunities", "Beacon of Hope". Henry Thoreau, Berres Fredrik Skinner, Robert Nozick and Richard Rorty are taken as representatives of the American socio-philosophical utopia. Attention is drawn to the distinctive feature of the American utopia – its open nature, the absence of fundamental, predetermined attitudes, pluralism. Conclusions are drawn about the cause of the crisis of utopian theorizing in American culture, associated with the impossibility of actualizing the subject of utopia due to the extreme fragmentation of society. As signs

of the crisis, the feeling of the "end of history" expressed in the public consciousness of the era of late capitalism is highlighted, which leads to the rejection of the future in favor of the endless repetition of the same plots and the doom to stay in frozen time. Utopia is replaced by its opposite – retrotopia – the search for an optimal life project that looks not into the future, but into the past. Social ontology is being replaced by social ontology as a ghostly state of the once-existing, but never fulfilled hope for progressive movement forward. The idea of American transcendentalists about the knowledge of the world as a unity of external and internal, as well as the scientific faith in experimental science, is replaced by conspiracy as a way of explaining the world through conspiracy and deception. All this generates disappointment for the globalized society of late capitalism, a feeling of depression as the main symptom of the time, longing for other, already inaccessible scenarios of cultural development, a nagging feeling of nostalgia.

Keywords: utopia, America, Walden, "postmodern bourgeois liberalism", behaviorism, retrotopia, honology, conspiracy theory.

References

1. Batalov E. Ya. *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta* [The Russian idea and the American dream]. M. Progress-Tradition, 2009.
2. Batalov E. Ya. *Social'naya utopiya i utopicheskoe soznanie v SShA* [Social utopia and utopian consciousness in the USA]. M. Nauka (Science), 1982. 384 p.
3. Bauman Z. *Retrotopiya* [Retrotopia]. M. VTsIOM, 2019. 160 p.
4. Baudrillard J. *Amerika* [America]. SPb. Vladimir Dahl, 2000. 204 p.
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [Consumer society: its myths and structures] / transl. from French by E. A. Samarskaya. M. Republic : Cultural Revolution, 2006. 268 p.
6. Kirvel' Ch. *Utopicheskoe soznanie: sushchnost', social'no-politicheskie funktsii* [Utopian consciousness: the essence, socio-political functions]. Minsk. Universitetskoe (The academic), 1989. 190 p.
7. Marcuse G. *Konec utopii* [The end of utopia] / transl. from English by A. Smirnov // Logos. 2004. No. 6 (45). Pp. 18–23.
8. Mart'yanov V. S., Fishman L. G. *Rossiya v poiskah utopij. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revolyucii* [Russia in search of utopias. From moral collapse to moral revolution]. M. Ves' Mir (The Whole World), 2010. 256 p.
9. Nozik R. *Anarhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, the state and utopia]. M. IRISEN, 2008. 424 p.
10. Rorty R. *Sluchajnost', ironiya, solidarnost'* [Finding our country: the politics of the left in America of the 20th century]. M. House of Intellectual Books, 1998. 128 p.
11. Rorty R. *Sluchajnost', ironiya, solidarnost'* [Chance, irony, solidarity]. M. Russian Phenomenological Society, 1996. 282 p.
12. Thoreau G. D. *Uolden, ili Zhizn' v lesu* [Walden, or Life in the forest]. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 240 p.
13. Fischer M. *Kapitalisticheskij realizm* [Capitalist realism]. Ultraculture 2.0, 2010. 144 p.
14. Holbrook S. H. *Dreamers of the American Dream*. N. Y., 1957. 369 p.
15. Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. *South European society and politics*, Taylor & Francis Journals. Vol. 22 (3). Pp. 327–344. DOI: 10.1080/13608746.2017.1359894.
16. Oliver J. E., Wood T. J. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*, 174. Pp. 810–822. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.190.
17. Parrington V. L. *American dreams; a study of American utopias*. N. Y., Russell & Russell, 1964. 246 p.
18. Rhodes H. V. *Utopia in American Political Thought*. Tucson, Arizona, 1967. 115 p.
19. Roemer K. M. *The Obsolete Necessity: America in Utopian Writings, 1888–1900*. Kent State Univ. Pr., 1976. 239 p.
20. Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 226 p.
21. Skinner B. F. *Walden Two*. Macmillan Co., 1948. 266 p.

Поступила в редакцию: 28.02.2024

Принята к публикации: 15.07.2024